Галина Зеленина, Мария Эндель, Менахем Яглом, Эстер Яглом

Каббала в XXI веке: выход из иудаизма?

Maria Endel, Menachem Yaglom, Esther Yaglom, Galina Zelenina

Kabbalah in the Twenty-First Century: Departure from Judaism?

Maria Endel — Independent Researcher (Moscow, Russia).

Menachem Yaglom — Independent Researcher (Jerusalem, Israel).

Esther Yaglom — Independent Researcher (Jerusalem, Israel).

Galina Zelenina — Center for Biblical and Jewish Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). galinazelenina@gmail.com

Conversation with Russian-language scholars of Kabbalah from Moscow and Jerusalem is devoted to the history of Kabbalistic thought on the territory of Russian empire, to the peculiarities of Eastern European Hasidic mysticism and Kabbalistic aspects of contemporary Hasidism (in Russia as well as abroad) and to the reception of Kabbalah in Russian culture. Counterpoint of these topics is phenomenology and sociology of "scientific Kabbalah" by Michael Laitman — Russian-language version of a much broader phenomenon of New Age Kabbalah and attempts to practice Kabbalah outside of Jewish tradition and Judaism. This is a very widespread trend, which exists simultaneously with traditional forms of Kabbalistic studies — in religious institutions, universities and home study groups.

Keywords: Kabbalah, mysticism, Yehudah Ashlag, Baruch Ashlag, Michael Laitman, Sephirot, Moshe Idel, Yehuda Liebes, Zohar, Philip S. Berg, Hasidism, (Free)masons.

Ниже публикуется проведенная Галиной Зелениной беседа, в которой приняли участие Мария Эндель (Москва), исследователь еврейской мистики и ее рецепции в ма-

Зеленина Г., Эндель М., Яглом М. Каббала в XXI веке: выход из иудаизма? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 170-191.

Zelenina, Galina, Endel, Maria, Yaglom, Menachem and Yaglom, Esther (2015) "Kabbalah in the Twenty-First Century: Departure from Judaism?", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33(3): 170-191.

сонстве, а также Менахем Яглом и Эстер Яглом, специалисты по каббале и хасидизму, организаторы одного из русскоязычных каббалистических семинаров в Иерусалиме.

Беседа посвящена нескольким темам: каббалистическому буму последних десятилетий в Израиле и в России; дифференциации между ешиботным, университетским и «сектантским» (или нью-эйджевским) изучением каббалы; социологии каббалистических кружков; а также тенденции отделять каббалистическое знание от иудейской религии в целом или по меньшей мере от ортодоксальной религиозной практики.

В дополнение к этой беседе следующим материалом публикуется фрагмент статьи израильского исследователя еврейской мистики и хасидизма Йонатана Меира о современном феномене популяризации и экзотеризации каббалы (фрагмент посвящен реализации этой тенденции в русскоязычном пространстве).

* * *

Что мы будем понимать под каббалой?

Мария Эндель: Каббала — еврейский вариант мистики, совокупность идей и текстов, впервые появившаяся примерно в XIII веке. Хотя есть и более ранние книги, но основной комплекс этих идей появляется именно в текстах XIII века. В каббале есть разные направления, и существуют разные варианты ее классификации. Самое простое деление каббалы — на теософскую и экстатическую. Оба эти направления возникли в XIII веке. Теософская каббала связана с умосозерцанием Творца и с размышлениями о творении. Экстатическая каббала — более практична, она подразумевает попытки выйти за пределы своего «я» и слиться с Творцом, используя при этом некоторые буквенные практики.

Важный этап развития теософской традиции — это лурианская каббала, связанная с именем Ицхака Лурии (Аризаля) и его школы, существовавшей в Цфате в XVI–XVII веках. В лурианской каббале эта традиция достигает, наверное, максимальной сложности и разветвленности. Но это этап развития именно теософской каббалы. Экстатическая каббала, созданная в том же XIII веке Авраамом Абулафией, позднее всплывавшая в довольно маргинальных сочинениях, а в XX веке получившая большое распространение, этот этап не проходила, и школа Лурии экстатическую каббалу практически не заметила.

Эстер Яглом: В рамках академической традиции еврейская мистика в целом делится на два этапа: ранняя мистика (приблизительно до XII века) и собственно каббала. Нужно заметить, что, хотя основные каббалистические концепты и ценности появляются только в XII–XIII вв., они не могли возникнуть из ниоткуда. Одним из важнейших источников каббалы является *Зогар*, созданный в традиции хасидской школы Комарно, основанной на развитии учения лурианской каббалы. Внутри традиции встречается утверждение, что *Зогар* существовал еще в эпоху вавилонских гаонов. Наука, естественно, не может относиться к таким утверждениям серьезно, хотя полностью опровергнуть их не в состоянии. Это означает, что вопрос о перерастании «ранней еврейской мистики» в «каббалу» является более сложным, чем мы это представляем в настоящее время, а многие ответы на него скрыты в литературе, которая если и давно прочитана, то все еще не вполне осмыслена современным академическим сознанием.

Есть ли инструмент «верификации качества»? Как отличить подлинную каббалистическую продукцию от шарлатанства?

Мария Эндель: Думаю, имеет смысл говорить о некоторой специфической терминологии, о хотя бы минимальном наборе идей. Скажем, если мы видим в текстах или практиках какой-либо группы концепцию десяти сфирот, концепт цимцума, толкования букв и гематрий, то мы можем говорить, что она так или иначе связана с каббалой.

А разве не может быть профанации и графомании, использующей эти концепты и термины?

Мария Эндель: С моей точки зрения, можно говорить о явлениях более интересных и менее интересных, более оригинальных и менее оригинальных. Если мы видим в интернете откровения человека, который полгода читал какие-то книжки (неважно, на английском или на русском), это, скорее всего, неоригинально и неинтересно. Но нельзя сказать, что это лучше или хуже, чем что-то другое. Если мы с пиететом относимся к иудаизму, к той или иной еврейской традиции, то мы будем говорить, что каббала, создаваемая в рамках этой традиции, — качественная, настоящая каббала. А если мы смотрим отстраненно и придерживаемся научного подхода, то мы стремимся избежать однозначных оце-

нок и скорее описать явление и понять, насколько это новый шаг в каббале или, может быть, это новый шаг в нью-эйдже.

Менахем Яглом: На мой взгляд, подлинная каббала может существовать только в рамках еврейской традиции, потому что она в очень большой степени основана на талмудической литературе — литературе мидрашей, на понятии заповедей, которые для каббалы кардинально важны. Каббала, которая существует вне еврейства, это либо каббала маргинальная — такая, как христианская каббала, отпочковавшаяся от каббалы еврейской; либо такая, как каббала Лайтмана — сектантское учение, объявляющее себя единственной истинной школой, исправляющей ошибки или сознательные подтасовки, допущенные создателями оригинального каббалистического учения. Каббала лайтмановского типа от традиционной каббалы так же далека, как и каббала христианских мыслителей. То есть признак подлинной каббалы — это достаточное знание еврейских классических текстов и максимальный пиетет перед еврейскими законами; необязательно их скрупулезное соблюдение (может быть и нарушение), но, по крайней мере, их знание и ориентация на них.

Была ли какая-то особая российская каббалистическая школа — мистическая традиция, созданная и развиваемая хасидами на территориях, вошедших в состав Российской империи? Или не только хасидами?

Менахем Яглом: На территории, которая некогда принадлежала Речи Посполитой, а затем вошла в состав Российской империи, каббала цвела пышным цветом. Была каббала дохасидская, были великие каббалисты, которые жили и до Бешта, такие как Яаков Копель Лифшиц из Межерича и многие другие. Были мистические братства, которые нередко, хотя и не всегда, втайне лелеяли саббатианские идеи. Очень мощная каббалистическая традиция восточноевропейского еврейства в новейшее время разделилась на две волны: на каббалу хасидскую и на каббалу «литовскую», восходящую в первую очередь к Виленскому Гаону. Это были два разных подхода к каббале в рамках единой традиции. Насколько я представляю, каббала Виленского Гаона имела в большей степени умозрительный характер. А хасидизм — это «каббала, ставшая этосом», как сказал Мартин Бубер. Во всех хасидских школах каббала рассматривалась как инструмент человеческого совершенствования, как язык, позволяющий говорить о сути и цели служения, как

способ мышления и существования, который приводит к достижению целей творения. Все хасидские авторы в большей или меньшей степени основываются на каббале — для хасидизма это абсолютно всепроникающая вещь. Другое дело, что есть школы, в которых каббала является служебным инструментом (как в большинстве направлений украинского хасидизма) а есть школы и дворы, целиком посвящающие себя каббале (как, например, школа Комарно).

Мария Эндель: Хасидизм считается новой стадией развития каббалы, когда все эти многочисленные теософские схемы, созданные лурианскими каббалистами, пытаются инкорпорировать внутрь человеческой души. Иначе говоря, то, что сначала рассматривалось как описание макрокосма, становится описанием микрокосма.

Эстер Яглом: Нужно упомянуть, что среди источников раннего хасидизма существует анонимный трактат, называемый «Завещание р. Исраэля Бешта», над переводом которого на русский я работаю некоторое время. По мнению ряда исследователей, в нем на 40% — изречения Бешта, а остальное относится к учению Великого Магида из Межерича. Этот трактат среди прочего закладывает основы некоего каббалистического лексикона для адептов хасидизма. То есть это своего рода пособие для начинающих, где сформулированы понятия каббалы, которые должны войти в ежедневную религиозную практику и повседневную жизнь хасида. Этот источник показывает, что весь хасидизм — это практическая переработка каббалы, в смысле — «каббалу в жизнь», чтобы каждый хасид, даже не имеющий возможности много учиться, смог усвоить систему понятий, которая очертит для него мифологическое пространство мира. Однако, при всей практичности, в основе этого проекта не лежала идея «упростить» каббалу, нивелировав ее ценности и выхолостив содержание. Проживание каббалы в раннем хасидизме обязывало человека развивать в себе способность к глубокому мистическому переживанию — даже в не слишком подходящие для этого моменты жизни.

А сегодняшний хасидизм, в том числе Хабад, и сегодняшний литвакский иудаизм — продолжают ли они каббалистические штудии, и насколько высокое место эти штудии занимают в их аксиологии?

Менахем Яглом: Хабад — это глубоко каббалистическое движение, у него мощнейшая каббалистическая школа. Основные книги Хабада — а книги в Хабаде играют бóльшую роль, чем

в большинстве прочих хасидских движений, потому что Хабад изначально является движением интеллектуальным, ориентированным на постоянное изучение текстов, — это тексты каббалы. И «Тания» — безусловно каббалистическая книга, как и прочие произведения Алтер Ребе; и основные негалахические труды его детей — это очень высокая и изощренная каббала.

Другое дело, что Хабад нашел некоторый дидактический ход, который позволяет от слова «каббала» отказаться. Хабад говорит о том, что Баал-Шем-Тов и его преемники достигли совершенного синтеза всех четырех уровней постижения Торы: буквального смысла, намека, мидраша и каббалы, — а поэтому после возникновения хасидизма вообще не следует обращаться к предыдущей каббале; точнее — не следует простым людям, но следует — *адморам*[1] и ученым самого высокого уровня. И хотя «Тания» и вся последующая хабадская литература полны цитатами из *Зоѓара*, из писаний Ари и так далее, рядовому и даже не очень рядовому хабаднику дозволено пользоваться всеми этими источниками только в тех цитатах, которые приводятся в хабадских текстах.

Все прочие хасидские движения тоже основываются на каббале, но очень по-разному. В некоторых школах каббалу как таковую практически не изучают — как, скажем, в хасидизме Гура, одном из самых больших современных хасидских движений. В других — как, например, в Брацлаве — интеллектуалы в обязательном порядке изучают *Зоѓар* и лурианские тексты. В общем, разброс очень большой, но при этом каббала действительно присутствует во всех хасидских движениях.

Если говорить о нехасидской ашкеназской каббале, то в так называемых литовских кругах до новейшего времени считалось, что каббала является достоянием избранных, великих. То есть каббалой занимались исключительно самые выдающиеся раввины, и свои познания в этой области они предпочитали скрывать. А в последние два десятилетия или даже меньше каббала стала активно изучаться во многих литовских ешивах. Более того, появляются комментированные издания классических каббалистических текстов, предназначенные в первую очередь для литовских ешиботников. В некоторых литовских ешивах даже появляются постоянные — хотя, понятное дело, факультативные — уроки по каббале. Это абсолютно новое явление, раньше такого не было

1. Адмор — аббревиатура слов «*адонейну, морейну ве-рабейну*»: «наш господин, учитель и раби», титул выдающихся мудрецов и деятелей поколения.

и в помине. То есть некогда элитарное знание теперь становится общедоступным.

Существует ли в каком-нибудь иудейском направлении или школе представление о том, что каббала — это ересь внутри иудаизма?

Менахем Яглом: Не существует — ни у хасидов, ни у литваков. У хасидов такого представления быть не может потому, что хасиды — каббалисты по определению. Среди литваков существует убеждение, что каббала — это знание эзотерическое, предназначенное исключительно для избранных, и когда им начинают заниматься те, кому не следует, получается профанация каббалы как таковой.

Из всех известных мне течений иудаизма единственные последовательные отрицатели каббалы, считающие ее ересью, — это *дардаим*[2], йеменские рационалисты, почитатели Маймонида, которые считают каббалу чуждой йеменскому еврейству, привнесенной в Йемен в результате нескольких последовательных национальных катастроф. Это крайне экзотическая позиция, я никогда не слышал, чтобы ее разделял кто-нибудь еще. Если и есть маргиналы, то это *дардаим*, так как каббала уже к XIX веку, безусловно, стала мейнстримом иудаизма. Впрочем, деятели еврейского Просвещения, Ґаскалы, в большинстве своем к каббале тоже относились сугубо отрицательно.

Как происходило вхождение каббалы в русское культурное пространство, в поле интересов российской интеллектуальной элиты?

Мария Эндель: Каббалой начали интересоваться масоны при Екатерине. С конца 70-х годов XVIII века в России распространяется масонство, которое связано прежде всего с именем Ивана Елагина — екатерининского сановника. Он становится главой российской провинциальной ложи, подразделения Великой ложи Англии. Под его началом открываются еще 15–20 лож, в которые вошли 400–500 человек — высшие сановники, верхушка тогдашнего общества.

2. От ивр. *дор деа* — поколение знания.

По архивным изысканиям известно, что сам Елагин очень интересовался каббалой, искал учителей, и в разное время его учили разные люди. Он пытался учить иврит — сохранились очень смешные его тетрадки, где он записывает названия *сфирот* на иврите и по-русски.

Очевидно, что не один он был такой; те же архивные материалы показывают, что к каббале был интерес — и не только к еврейской каббале, но также и к христианской каббале как совершенно особому явлению. Понятно, что этот интерес был именно христианский. Есть много текстов, где отдельные каббалистические сюжеты сталкиваются с христианскими и делается попытка интегрировать каббалистические идеи в христианство. В частности, говорится, что действительно есть какой-то разрыв внутри мира *сфирот*, но Иисус приходит, чтобы этот разрыв упразднить. У русских масонов было несколько переведенных с иврита текстов — оригинальных каббалистических текстов XIII века и более поздних, уже лурианских, текстов теософской каббалы. Это рукописи, которые до сих пор не опубликованы. Сохранились также разные бумаги, дневниковые записи, по которым видно, как люди пытались осмыслить каббалистические идеи, усвоить новую терминологию и вообще понять, что, собственно, им хотели сказать.

Основная идея, которую, как я думаю, разделяло большинство людей, этим интересовавшихся, состояла в том, что каббала — это некое подлинное тайное знание, которое было получено Авраамом или Моисеем и позднее искажено евреями, которые его хранили и передавали; и задача христиан-каббалистов — очистить его и восстановить в первозданном виде. Так думало абсолютное большинство. А были люди, которые тесно общались с евреями, получали от них знание и считали, что это знание было сохранено евреями в чистом виде и сейчас можно через них его обрести. Реально таких интересующихся каббалой людей в России конца XVIII — начала XIX века было, может быть, несколько десятков. Но надо помнить, что это были влиятельные чиновники, элита российского государства.

Российские интеллектуалы и позже интересовались каббалой — как, например, Владимир Соловьев. Известно, что одна из его лекций на Высших женских курсах была целиком посвящена каббале. Его интерпретации очень похожи на масонские, потому что он пользовался примерно теми же источниками, прежде всего сочинениями христианских каббалистов. При этом Соловь-

ев не наследует масонской традиции — просто он читал те же тексты, что и масоны.

К началу XX века каббала становится уже более или менее общим местом, никто уже каббале не удивляется. И в таком фоновом режиме она присутствует практически у всех великих русских философов того времени: у Флоренского, у Булгакова, у Лосева — в «Философии имени» и «Диалектике мифа». А вот после этих работ в каббалистических штудиях наступает провал — вплоть до перестроечного времени.

Была ли каббала темой для еврейского движения 1970–1980-х гг. — в его религиозном или культурном измерениях?

Менахем Яглом: В среде отказников и самодеятельных *баалей-тшува* в советское время был некоторый интерес к каббале. И в Москве, и в Петербурге с начала 1970-х были отдельные личности, которые изучали каббалу и даже ее преподавали; возникали кружки, но очень узкие. В 1980-е ходила шутка о том, что в Москве есть две каббалистические школы: в одной изучают книгу *Зогар*, а в другой — книгу *Зохар*. Книгу *Зогар* изучал Михаил Кравцов, а книгу *Зохар* — я.

Тогда читали все, что можно было достать, а это практически все, что было издано до революции. Дело в том, что на чердаках синагог — московских, питерских, да и по всему Союзу, где оставались действующие синагоги, — были огромные залежи книг. После смерти носителей традиции их дети, сохранявшие некоторое трепетное отношение к еврейским книгам, чаще всего отдавали их библиотеки в синагоги, которые были буквально завалены еврейскими книгами — любыми. На чердаках и Московской хоральной синагоги, и синагоги в Марьиной Роще можно было найти абсолютно все — любые каббалистические труды, в том числе в самых редчайших и ценнейших изданиях, любые хасидские тексты и т.п. Мы рылись на этих чердаках, находили книги, приносили домой, читали, старались понять. Естественно, много читали *Зоґар*. Но речь, конечно, идет о единицах, которые могли читать эти тексты и даже в какой-то степени их понимать.

После того как почти все участники этих «изысканий» уехали в Израиль, традиция изучения каббалы в России, насколько я понимаю, опять прервалась, и в рамках «еврейского возрождения» 1990-х никакой каббалы не было. Пока сюда не импортировался Лайтман со своей сектантской каббалой.

Мария Эндель: Да, с именем Лайтмана связан какой-то необыкновенный взрыв интереса к каббале. Количество его последователей ежегодно увеличивалось в десятки раз. Пик этого движения приходится на 2002–2004 годы, потом оно пошло на спад. Если тогда шла речь о тысячах, даже, вероятно, о десятках тысяч, то сейчас это скорее сотни человек.

Михаил Лайтман родился в Витебске, по специальности — инженер-электрик, в 1970-х уехал в Израиль, где познакомился с Барухом Ашлагом, сыном Йегуды Лейба Ашлага, очень значимой фигуры в истории каббалы. Старший Ашлаг — ашкеназ из Польши, родился в 1885 году и умер в 1955-м; эмигрировал из Польши и провел в Израиле большую часть жизни. Он произвел некоторую революцию в каббале, которая связана с отношением к иноверцам. Для того чтобы понять, в чем, собственно, эта революция, нужно сказать, что он думал вообще об устройстве мира. В своих сочинениях он пишет, что Творец — это стопроцентное желание отдавать, некая сила, которая отдает, а человек — это сосуд, который воспринимает. До грехопадения все было замечательно устроено: человек воспринимал нечто — свет, условно говоря, который отдает, — и передавал дальше. После грехопадения все сломалось, человек стал эгоистичным, и с тех пор сущность человеческой природы — это желание воспринять без желания отдать. И в этом самая важная поломка, которую нужно чинить: учить человека отдавать. Для этого человек должен пройти определенные ступени, осуществляя специальные практики — молитвы, медитации. В итоге в такие эсхатологические времена, которые сейчас наступают, человек должен научиться стопроцентно отдавать — так же, как и Творец. Тем самым человек достигает высшей точки своего развития, в том числе каббалистического.

В чем, собственно, революционность идей Ашлага? В том, что он считает, что так устроены более или менее все люди: и евреи, и неевреи, и соблюдающие евреи, и несоблюдающие. Может быть, в процентном соотношении у евреев немного выше, так сказать, способность к отдаче, именно поэтому им была дана Тора и так далее. Но базово так устроены все люди. Это революционное утверждение, потому что среди каббалистов — и теософов, и экстатических, и лурианских, и нелурианских — общепринятой является идея, что душа еврея принципиальным образом отличается от души нееврея. Душа еврея состоит из трех частей: *нефеш*, *руах*, *нешама*. Все эти части происходят из божественных источников, связаны и со *сфирот*, и с высшим миром *Ацилут*, а все

души иноверцев происходят от другой стороны, так называемой «левой стороны» — из царства нечистоты. И до Ашлага никогда никому не приходило в голову с этой установкой спорить. Ашлаг же, будучи человеком совершенно традиционным, из этой среды, сказал: нет, это не так, среди народов мира есть люди, которые тоже готовы отдавать, и этих людей надо приближать — их надо учить каббале. В первую очередь — их, а потом они будут распространять дальше эти знания. И чем шире распространится каббала и способность отдавать, тем быстрее наступит избавление.

В его учении есть и смешные вещи. Например, он очень интересовался марксизмом и считал, что история — это такие циклы, когда эгоистическое начало берет верх, а потом его сменяет альтруистическое. В конце каждого цикла совершается революция, потому что альтруистическое начало в людях восстает против эгоистического.

И как всегда в иудаизме, это такая большая семья, этих Ашлагов много. В частности, его сын Барух Ашлаг наследовал это учение, а от него это учение воспринял Лайтман. Он какое-то время был шофером Баруха, а потом решил, что ему пора самому распространять каббалу, и создал движение под названием *Бней Барух* («Сыны Баруха») — в честь Баруха Ашлага. Лайтман стал основным пропагандистом каббалы в постсоветской России и вообще на всем русскоязычном пространстве. Это не только постсоветская Россия — это и русскоязычная Америка, в том числе Южная Америка, а также Австралия. Он бывал абсолютно везде, где есть русские и русские евреи. Другой последователь Ашлагов, который работает на англоязычную аудиторию, это Филипп Берг — учитель Мадонны и прочих «Бритни Спирс»; он хорошо поработал в Голливуде.

Лайтман приехал в Россию с идеей показать, что каббала — это наука. Для этого ему надо было представить и себя как ученого. Он получил здесь звание профессора от какой-то мифической академии и защитил диссертацию в Академии наук по философии.

Дальше он стал рассказывать, что каббала не имеет особого отношения к религии, что это некая универсальная наука, универсальное знание, обретая которое человек обретает правильный путь в жизни, становится успешным. И конечным результатом становится некоторое богоподобие, потому что человек превращается в стопроцентного, абсолютного альтруиста. Эта программа замечательным образом была воспринята его аудиторией, которую в том числе составляли евреи-бизнесмены и ев-

реи-политики. Они как раз хотели быть, как боги. Лайтман ловил их на такие примерно тексты: «Перед нами стоит более высокая цель. Выйдя из рамок эгоизма, мы попадаем в совершенно иное мироздание, иное измерение. Мы выходим на уровень, находящийся выше всех явлений нашего мира, там мы сами можем влиять на все происходящее. Это, действительно, уровень Творца! И этот выход возможен».

Причем проповедовал он далеко не только среди евреев и вообще декларировал, что каббала как научное знание, не связанное с конкретной религией, доступна всем. Он даже издал запрет на совершение религиозных обрядов во время занятий групп, кроме еврейских. Сам он на разных выступлениях появляется то в кипе, то без кипы и настаивает на том, что еврейская окраска у каббалы — это чистая случайность. Но при этом исторически сложилось так, что группа, которая была наиболее близка к нему, это была группа евреев: верхушка еврейского бизнеса в России и члены Совета Федерации.

Это те, кто был вокруг Лайтмана. А дальше были, я думаю, студенты и всякие молодые люди, что называется, ищущие, которые одновременно с занятиями в лайтмановских группах могли ходить на разные другие эзотерические тусовки. При этом надо понимать, что участие в этом движении требовало от человека определенной дисциплины: он не менее одного-двух раз в неделю должен был присутствовать на занятиях, он реально должен был учиться. Были отдельно мужские группы и женские, они учились порознь. Для женских групп, как всегда, были некоторые послабления, но в общем там тоже была довольно жесткая дисциплина.

Учиться при этом было не так просто, потому что в качестве учебников использовались книги Лайтмана. А это довольно тяжелые для усвоения тексты, потому что, скажем, переводческая стратегия Лайтмана состоит в том, что все термины он оставляет непереведенными. То есть человек должен выучить как минимум 500 ивритских и арамейских слов, причем в очень специфическом, именно каббалистическом значении. У Лайтмана есть книги разных уровней. Есть совсем популярные книги, которые написаны более-менее человеческим русским языком — убогим, но русским. И там кратко излагается учение Ашлага: чтобы все было хорошо, нужно быть альтруистом. А есть книги, которые написаны языком, близким к абракадабре: ты их открываешь, и, если ты просто со стороны, ты даже не поймешь, о чем идет речь.

Там полно совершенно невообразимой лурианской каббалистической терминологии, черт ногу сломит.

А чему Лайтман собственно учил своих последователей, кроме альтруизма? В чем состояло конкретное содержание его учения, и была ли в нем инновация по сравнению с учением Ашлагов?

Мария Эндель: Содержание примерно такое. Весь мир, как Лайтман сам говорит, был сотворен Богом по некоей «инструкции», либретто. Согласно этой инструкции, есть 125 ступеней, которые человек должен пройти, чтобы стать подобным Творцу. Для того чтобы ему пройти эти ступени, требуется ежедневная практика отслеживания своих мыслей, поступков. Тут я захотел то, а там — это. А что это значит? А это значит, что луч из *сфиры* Кетер попадает не в *сфиру* Йесод, а в *сфиру* Малхут. Примерно так.

Если послушать в *YouTube* его лекции или лекции его последователя, небезызвестного олигарха Владимира Слуцкера[3], — это впечатляет. Звучит, как высшая математика или физика. Для непосвященного это кажется просто бредом, потому что там огромное количество терминологии с довольно неясной логикой и неясным результатом.

Что касается инноваций, то Лайтман, как и Слуцкер, хороши как раз тем, что сами ничего не придумывают — просто повторяют то, что выучили. Учение Ашлагов, разумеется, не такое простое, не такое примитивное, как я тут говорю, — оно гораздо сложнее. И Лайтман его хорошо выучил и транслирует без изменений. Разве что упрощает для своей аудитории, пытается максимально понятно его изложить.

То, что его лекции звучат, как высшая математика, — является ли это апелляцией к запросам аудитории позднесоветских евреев с преимущественно техническим образованием?

Мария Эндель: Думаю, да. Эти еврейские бизнесмены, столпившиеся вокруг Лайтмана, — они все технари, закончили что угодно: от заборостроительного до МАИ, потому что в университет их не брали. И язык Лайтмана — тоже инженера — их в ка-

3. Например, здесь: http://kabbalist.ru/10_lectures.html (дата обращения: 28.09.2015).

ком-то смысле подкупил. Это даже не псевдонаучный, а, я бы сказала, псевдотехнический язык. И они поверили содержанию, потому что узнали язык, потому что с ними говорили на их языке. Не стоит недооценивать этот фактор.

Бытует мнение, что проект Лайтмана — это разводка, и цель его — чисто коммерческая. Так ли это? Или у Лайтмана все-таки были благие цели, и успешный финансовый проект сочетался с проектом, скажем, исправления мира?

Мария Эндель: Это интересный вопрос — кто такой Лайтман: просто прохиндей, для которого каббала стала бизнесом, или такая чистая душа, вокруг которой собрались весьма специфические люди и использовали его для создания финансовой пирамиды?

Конечно, все его последователи отчисляли десятину от своих доходов, а доходы сенаторов, например, все-таки очень немаленькие. Финансово это было, я думаю, довольно прибыльное предприятие. Но эти отчисления делались открыто, прозрачно, со всеобщего согласия.

Мне кажется, что ни для Лайтмана, ни для Слуцкера каббала не была коммерческим проектом. При всей жесткости Слуцкера, при всех скандалах, с ним связанных, вряд ли он стал бы зарабатывать на каббале — он уже был весьма небедным человеком. Он и ему подобные олигархи — это люди, получившие каким-то очень странным образом большие деньги, которые при этом чувствовали, что не в деньгах счастье, им хотелось чего-то еще. Это люди, которые действительно что-то хотели понять, изменить к лучшему.

Я помню, однажды они меня пригласили в ресторан (хотели нанять на работу), и один из них, выпив, говорит мне: «Ну, вообще жизнь пустая без этой каббалы. Есть у меня квартира в Нью-Йорке, есть яхта — стоит в заливе. Ну и что мне еще? Еще одну квартиру в Нью-Йорке купить?». Думаю, этот человек говорил абсолютно искренне. Свалились на них огромные деньги, но ведь они были совершенно дезориентированы, не понимали, что делать дальше, как вообще жить. То есть нельзя сказать, что это чисто коммерческий проект. Тем не менее в этих группах, разумеется, были люди, которые руководствовались коммерческими, карьерными или иными соображениями, далекими от чистой духовности.

Почему это движение пошло на спад?

Мария Эндель: Началось, я думаю, с того, что Слуцкер, который был самым богатым и влиятельным из учеников Лайтмана, с ним поссорился. Слуцкер ушел от своего учителя и создал свою группу и свои подгруппы. Возможно, именно этот раскол подорвал движение, потому что оказалось, что оно не едино, что уже не одна истина, а две.

Но в целом, я думаю, что это — как всякая мода: проходит пик и сходит на нет. Ведь закончилось не только это; сейчас явно на спаде интерес к эзотерике вообще. А в 1990-е было множество всяких проповедников и мощное эзотерическое движение. Вообще, мне кажется, жизнь становится скучнее. У нас есть православие, которое решает все духовные проблемы. И есть, соответственно, иудаизм — Хабад, тоже близкий к власти, который так же официально решает все духовные запросы и проблемы. Время другое — сплошная «вертикаль», при которой выживают только крупные структуры, подобные ей самой.

Можно ли сказать, что в изучении каббалы сенаторами повторилась ситуация времен Екатерины?

Мария Эндель: В каком-то смысле — да. Вновь каббала заинтересовала высших чиновников. Только при Екатерине это были русские люди, а здесь — все-таки в основном евреи по происхождению, хотя Лайтман и пытался абстрагироваться от иудаизма. А Слуцкер, наоборот, хотел интегрироваться в еврейский официальный мир, чтобы проповедовать среди иудеев. У него была идея, что традиционные евреи истины не знают, а он, Слуцкер, ее постиг и нужно и их обращать, не только иноверцев.

А каково отношение представителей этого «официального еврейского мира», ортодоксального иудаизма, к Лайтману и его последователям? Считают ли они его каббалистом или, по крайней мере, видят ли в нем пользу как в популяризаторе?

Мария Эндель: К Лайтману отношение однозначно плохое, потому что они даже не считают, что он кого-то приближает к иудаизму — тех, кто далек, но потенциально мог бы приблизиться, — как это стремятся делать хабадники. Даже по этой статье Лайтман не проходит — он однозначный враг.

А в Израиле — кроме групп Лайтмана — русскоязычные люди изучают ли каббалу? И как это встроено в общие тенденции в израильской каббалистике — ешиботной и академической?

Эстер Яглом: Вообще в Израиле в последние лет двадцать — подъем интереса к каббале, как среди религиозной публики в ешивах и колелях, так и среди светской в университетах.

Я помню, Моше Идель всегда рассказывал, что, когда он, молодой, пришел в Еврейский университет, каббалой занимались всего несколько человек. Само слово «каббала» было чуждо университетской публике. Ныне Моше Идель и Йегуда Либес (они ровесники, родились в 1947-м) — два маститых профессора-эмеритуса, составившие основу поколения исследователей каббалы после Гершома Шолема. А через 20 лет было уже столько желающих изучать каббалу, что по каббалистической тематике стало трудно попасть в аспирантуру. Официально к одному руководителю записывали по 25 аспирантов, а тут количество желающих попасть к каждому стало доходить до 40.

Многие шли в науку о каббале, чтобы иметь возможность просто изучать каббалистические тексты с точки зрения современного человека, но, наверное, половина или треть смогли остаться в науке. Собственно профессоров каббалы — немного, хотя их в несколько раз больше, чем было два десятилетия назад.

Вообще в современном Израиле в разных социальных слоях очень сильное желание учиться. Религиозное знание вдруг стало нужно, модно и интересно, а мистика оказалась такой заветной областью, которую вдруг захотели изучать все. Вряд ли это вызвано поиском практических средств к достижению удачи в жизни; скорее причина в том, что это придает новое содержание жизни, раскрывает внутренние врата для восприятия красоты, удовольствия, счастья, смысла жизни. И люди, которые не могут это изучать в традиционных заведениях — скажем, широкие слои интеллигенции, неортодоксы, особенно женщины, которых в ешивы и колели не допускают, — идут изучать каббалу в университет, а также в различные бейт-мидраши, светские ешивы и всякие промежуточные учебные заведения, которые открыты любому контингенту и где им дадут возможность читать тексты самостоятельно. Женщин среди них процентов 60–70. Кстати, и некоторые ортодоксы специально приходят в университет, чтобы изучать каббалу в академии, а также есть немало представителей национально-религиозного направления.

Эти люди — только неультраортодоксальны или совсем нерелигиозны? Есть ли у них идея, как у Лайтмана, что каббала существует отдельно от иудаизма? Или по меньшей мере отдельно от соблюдения: что можно учить каббалу и другие тексты, получать знание, в том числе тайное знание, но при этом не быть соблюдающим евреем?

Менахем Яглом: Безусловно, такая идея есть. Но дело вообще в том, что у университетской публики подход несколько иной. Изначально Шолем создал академическую науку о каббале. Так же, как наука буддология занимается знаниями о буддизме, но не буддизмом, причем грань между одним и другим очень тонка, так и наука, созданная Шолемом, ориентирована на приобретение знаний о каббале, а не на знание каббалы. Это принципиально иной подход — отстраненный, позитивистский в большой степени. Но многие из тех, кто идет в университеты слушать курсы по каббале, пытаются приблизиться к самой каббале, а не к науке о ней — примерно как *баалей тшува* советской эпохи читали книжки Беленького и других борцов с иудаизмом из «Научно-атеистической библиотеки» для того, чтобы получить некоторое знание иудаизма, а не об иудаизме. И самим профессорам, исследователям каббалы, очень трудно удержаться от самоотождествления с ней. Например, Йегуда Либес, как мне кажется, считает себя в не меньшей степени каббалистом, чем ученым, изучающим каббалу. И таких людей, в том числе среди преподавателей израильских университетов, немало. Ави Элькаям, крупнейший израильский исследователь саббатианства и всяческой эзотерической каббалы, не только и не столько университетский профессор, сколько — а с течением лет все больше и больше — ересиарх, неосаббатианец, который осуществляет самые различные саббатианские практики. Например, он с большим размахом празднует день рождения Шабтая Цви, выпадающий на 9 ава, — с музыкой, танцами и разного рода хитрыми медитациями. Безусловно, Ави Элькаям — действующий ересиарх, а совсем не просто университетский профессор.

Эстер Яглом: Я в свое время совершила серьезную ошибку, поверив в неизбежность отстраненного позитивистского подхода в академии. Шолем, может быть, и дистанцировался от предмета своего изучения. Во всяком случае, мой первый учитель в науке — Моше Идель — мне говорил именно так: «Никогда не верь тому, что изучаешь, никогда не идентифицируй себя с предметом

изучения». Либес — другой мой учитель — никогда на расстоянии не оставался. Он всю жизнь выяснял свои отношения с заповедями: то снял кипу, то опять надел. Его жена — Эстер — всегда поддерживала атмосферу еврейского дома. Часть занятий Либеса проходят не на университетской кафедре, а в разных домах — в кругу его многолетних учеников, которые, становясь самостоятельными преподавателями, продолжают ходить на его лекции. До сих пор, даже на пенсии, у него есть постоянный день и час, когда он читает свои курсы, потому что так он постановил со своими любимыми учениками — постоянные часы Торы. Очень много времени у него уходит на общение с религиозной частью аудитории. На его уроки, как и в прошлом на уроки Иделя, ходят совсем не только светские люди, но и хасиды из Меа Шеарим. И мне кажется, что у этих людей в общем нет такой повестки: «Мы наш, мы новый мир построим; заповеди — старье, мы их выкинем и будем читать лишь тексты». Часть аудитории, возможно, так думает, но далеко не все.

Еще есть замечательная ученица Либеса — моя подруга и учительница Мелила Геллнер. Она преподает *Зоѓар* в университете, причем самые эзотерические части *Зоѓара — Идрот*. К ней ходят люди, которые учатся полжизни, и молодежь — прекрасная, очень светлая. У многих из них совершенно религиозное еврейское восприятие мира, которое идет от крови, а вовсе не от образования. Сама Мелила — это тип религиозного реформатора. Как *Идра раба* — некоторый революционный манифест в еврейской религии, так и преподающая его Мелила — яркая личность, стремящаяся к оживлению современной еврейской религиозной мысли. Она не только преподает в университете, но и стояла у истоков многих творческих и учебных инициатив, светских ешив, бейт-мидрашей, и сейчас со многим из этого связана. Она преподает каббалистические тексты как призыв к гуманизации и духовному обновлению израильского общества. Ей и ее аудитории совершенно чужда идея, что надо выбросить старье на свалку и взять знания, как у Лайтмана.

А что происходит вне академии, в сугубо ортодоксальных кругах?

Менахем Яглом: Есть несколько мощных каббалистических традиций: хасидских, литовских, сефардских. Только в Иерусалиме — несколько десятков каббалистических ешив и колелей,

в том числе и очень крупных; в основном сефардских, в меньшей степени ашкеназских. Собственно, классическая каббалистическая ашкеназская ешива одна — «Шаарей шамаим». Есть традиции иракская, йеменская и североафриканская — они несколько различаются подходами, хотя все в большой степени усвоили принципы сефардской каббалы Рашаша — рабби Шалома Шараби, иерусалимского каббалиста XVIII века, главы ешивы «Бейт-Эль».

Есть сугубо каббалистические хасидские дворы так называемых «*адморов* своими силами», которые не являются потомками или учениками прежних цадиков, а становятся *адморами* тогда, когда их признают таковыми достаточно большие группы последователей. Самая заметная фигура на этом поле — Ицхак-Меир Моргенштерн, который создал экстатический каббалистический хасидский двор, притягивающий людей из самых разных кругов — как ультраортодоксов всех мастей, так и университетских ученых, а также студентов национальных религиозных ешив. Ешива Моргенштерна называется «Торат хахам» в честь одноименной книги Хаима де ла Росы, ученика и преемника Шалома Шараби и третьего главы ешивы «Бейт-Эль», который написал, наверное, самую сложную книгу в традиции сефардской каббалы — каббалы «Бейт-Эля». И двор Моргенштерна возник вокруг изучения этой книги.

Кроме сефардских и ашкеназских ешив и хасидских дворов каббала довольно подробно и глубоко изучается, как это ни удивительно, в «вязаных» ешивах религиозных сионистов, в том числе в армейских ешивах. Я в свое время учился в подобном заведении — «Бейт-Мораша», которое соответствует идеям рава Кука и объединяет собственно ешивное, очень высокого уровня, и университетское образование. Там были блестящие уроки каббалы — на очень высоком уровне, очень большой глубины.

И, наконец, есть круги, для которых очень важна идея отказаться от заповедей, оставив только текст. При этом нельзя сказать, что эти круги внерелигиозны. Вообще понятие «религиозный» в России и в Израиле принципиально разное. В России религиозным считается человек, который верит в Бога. В Израиле же о религиозности речи не идет — по умолчанию считается, что все религиозны. Но при этом кто-то соблюдает заповеди, кто-то отказывается от их соблюдения, а кто-то противостоит соблюдению.

Например, светская ешива «Бина» и целый ряд других заведений, где тоже изучают каббалу, — это заведения, принципиально не соблюдающие, хоть там вполне могут быть отдельные соблюдающие люди. Вообще каббалистических кружков, так сказать, интеллигентских в той или иной степени, в Израиле великое множество, и большая их часть не опирается ни на какую традицию; там только изучаются тексты по той или иной методике или вообще без всякой методики.

Они изучают первоисточники, или пересказы, или какие-то адаптированные издания?

Менахем Яглом: Это важный вопрос. Основа каббалы — книга *Зоѓар*, без *Зоѓара* каббалы просто не существует. *Зоѓар* очень долгое время был книгой эзотерической, в основном из-за сложного и малодоступного языка, отличающегося и от языка Талмуда, и от языка таргумов, и вообще от широко известных диалектов арамейского, а также из-за отсутствия каких бы то ни было последовательных и общедоступных комментариев. Существовавшие ранее комментарии к *Зоѓару* скорее углублялись в анализ текста, чем стремились каким-то образом его раскрыть и объяснить. А в последние десятилетия появился целый ряд — мне известно шесть — полных переводов *Зоѓара* на иврит с подробными последовательными комментариями, адресованными в той или иной степени широкой публике. То есть *Зоѓар* из книги сугубо эзотерической постепенно становится книгой общедоступной.

А вот русские переводы *Зоѓара* — таких есть несколько, лайтмановских или разного рода ашлагианских — все абсолютно чудовищные. Есть одна небольшая книжка, перевод фрагментов из *Зоѓара*, выполненный Михаилом Кравцовым, но это капля в море. И вообще никаких опубликованных приличных переводов каббалистических текстов почти нет. То есть русской литературы такого рода пока не существует.

А есть ли устная русскоязычная традиция, практика, кружки?

Менахем Яглом: Есть наш кружок и кружок Михаила Шнейдера, в которых вращаются несколько десятков человек; есть другие кружки, которые нам неизвестны или малоизвестны. При том, что изучение в них происходит на русском языке и все участни-

ки русскоязычные, эти кружки являются частью большого нерусского сообщества изучающих каббалу. Хотя русский язык, безусловно, вносит что-то свое. Понятно, что все русские люди, изучающие каббалу, не только говорят по-русски, но еще и думают по-русски. Это дает несколько иной взгляд, иной поворот мышления — и это немало.

Между нами и Мишей Шнейдером есть принципиальная разница. Мы в большой степени замкнуты в русской среде — так исторически сложилось. Шнейдер же смог сломать стену и стать частью общеизраильской и в некоторой степени общемировой науки о каббале. Он написал три большие монографии на иврите, большое количество замечательных статей. По-русски же он давно ничего не пишет — только на иврите. Но при этом его статьи и книги в очень большой степени строятся на русском мышлении, потому что он воспитывался в русском языке, русской культуре и русской литературной, гуманитарной традиции.

Эстер Яглом: В данный момент мне трудно сформулировать, чем я принципиально отличаюсь в восприятии каббалы от той же Мелилы Геллнер, хотя, безусловно, у нас гораздо больше различий, чем общего. Скажу, что сейчас мне гораздо интереснее не в русскоязычном сообществе, где меня угнетает ощущение некоторого тупика.

Мы преподаем каббалу молодежи, студентам — и в Израиле, и в России. Все они — с виду вполне светские, люди современного мира. В то же время тем, кто родился в Израиле и здесь учился в школе, преподавать гораздо проще. Их научили тому, что Тора — это не просто текст, а источник конца XIII века — не просто предмет исследования. Они воспринимают *Зоѓар* как то, что имеет непосредственное отношение к их жизни и к современности. Кроме того, те или иные стихи Торы им известны, они с ними так или иначе пересекались раньше, и в каббале Тора для них оживает, открывается совершенно по-новому. Эти молодые люди читают *Зоѓар* и вдруг видят, что реальность формируется Торой.

А студентам из России очень трудно объяснить, что это не просто текст, что через эти клеточки, через эти буквы, через эту вязь мы видим то, что сейчас с нами происходит. Им это надо еще долго растолковывать. И стихов библейских они не знают — знают один процент из того, что там встречается, и это серьезная преграда, потому что все-таки каббала и все еврейское учение основано на библейском тексте и его интерпретациях. Это та-

кие многоэтажные тексты — призма на призме, одни строчки там просвечивают сквозь другие, создавая голограммы. Поэтому, опять же, вне живой еврейской традиции осваивать каббалу очень трудно.

Беседовала Галина Зеленина